

Уалий

6+

Улетаю с ветром в чужие края ...

Д. ЛЕВРО

Д. Левро Уалий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53816677

SelfPub; 2020

Аннотация

Жизнь Уалия резко меняется, когда на чердаке своего дома он находит говорящую механическую голову, на глазах у которой похищают человека...

Глава I. Говорящая голова

Лестница на чердак круто уходила вверх и упиралась в старую деревянную дверь под самым потолком. От волнения по спине у меня пробежал холодный озноб. Из замочной скважины пробивался слабый дневной свет. Ступеньки подо мной тихо поскрипывали. Подойдя к двери, я нажал на ручку и она поддалась. Дверь отворилась. В лицо пахнуло старьем и пылью. Я огляделся. Чердак был весь заставлен старыми коробками и шкафами, завален всяким барахлом. Здесь было и обветшалое кресло-качалка. И огромные остановившиеся часы с маятником. Из-под рваной ткани выглядывал край старинного зеркала. Свое отражение в нем я разглядел только стерев рукавом густой слой пыли. Чтобы как следует здесь все осмотреть уйдёт не меньше недели, подумал я про себя.

Тут я заметил железный шлем. Он стоял на самом верху шкафа в дальнем углу чердака. Шкаф был так высок, что, даже встав на стул, я не смог дотянуться до шлема рукой. Это меня не остановило. Я поплевал на руки и принялся карабкаться вверх прямо по полкам. То и дело я задевал что-нибудь, и оно с грохотом падало на пол. Добравшись до верха шкафа, я протянул руку за шлемом и тут же замер. На самом деле это был не шлем! Это была металлическая голова с большими глазами и с закрытыми веками! У нее были ещё уши, нос и рот, и даже железная борода и морщины на

лбу. Ничего подобного я раньше не видел. Еще мне бросилось в глаза, что с боку к голове прилажен небольшой вентиль. Такой же, как на механических часах. Недолго думая, я несколько раз повернул вентиль по часовой стрелке. Едва я сделал это, как голова вдруг открыла глаза и вопросительно на меня уставилась! От неожиданности я вскрикнул и отдернул руку. Но сделал это так резко и неловко, что тут же потерял равновесие и вместе с полкой, на которой стоял, рухнул вниз.

Я лежал на полу возле шкафа, и повсюду вокруг валялись сбитые мной подсвечники, книги и чашки. А вернее осколки чашек. Я ощупал себя. Кажется, я был цел и невредим. Руки и ноги были на месте. Вдруг сверху донёлся голос.

– Простите, если напугал вас. Надеюсь, вы не ушиблись.

Голос был странным. Каким-то металлическим. Я вскопчил на ноги.

– Признаться, я и сам немного испугался, – снова слышался тот же голос.

– Кто это говорит? – спросил я, озираясь по сторонам.

– О, простите, я ведь не представился. Меня зовут Эрудит. А вас?

– Меня? – машинально переспросил я, продолжая оглядываться.

Я все еще не мог понять, кто со мной разговаривает.

– Мы ведь с вами, кажется, не знакомы. Вот я и подумал, что будет правильно, если я узнаю ваше имя, – объяснил го-

лос.

– Мое имя Уалий.

– Очень приятно, – вежливо сказал голос и добавил. – Не затруднит ли вас снять меня со шкафа? Здесь ужасно пыльно.

Тут я догадался. Со мной говорила железная голова!

Трудно передать мое изумление. Я просто не верил своим ушам. Я стоял как вкопанный, не зная, что и ответить. Наверно, в эту секунду у меня был глупый вид.

– Там, около окна должна стоять стремянка, – вновь слышался голос. – С ее помощью можно без труда забраться наверх.

Пребывая в полном замешательстве, я притащил к шкафу деревянную стремянку, которая и в самом деле стояла возле окна, загороженная столешницей и парой весел от рыбацкой лодки. Еще через минуту я уже с удивлением разглядывал говорящую железную голову, которую поставил перед собой на стул. Сам же уселся прямо на пол.

– Не могу выразить, как я признателен вам за то, что сняли меня с этого ужасного шкафа. Пыльного и в добавок весьма высокого. Не стану скрывать, что немного боюсь высоты. Боюсь почти также, как крыс ... Уф.. Мерзкие создания. Везде суют свой нос. Везде пролезут ...

Это был не сон. Передо мной была живая, говорящая и притом довольно болтливая железная голова. Мне даже слышать о таком не приходилось. И уж тем более видеть свои-

ми собственными глазами. Она ... а вернее он, ведь у головы была борода ... он, наверно, долго простоял на шкафу, потому что весь был покрыт пылью, а с ушей даже свисали клочки паутины. При каждом новом слове железная челюсть скрежетала. Ее явно давно не смазывали машинным маслом. Одним словом, вид у головы ... вернее у Эрудита ... был довольно жалкий. Впрочем, сам он этого не замечал, продолжая увлеченно болтать.

– А кстати, где профессор? – вдруг спросил Эрудит, вопросительно на меня посмотрев.

– Не знаю, – ответил я. – Какой профессор?

– Как какой? Профессор Кварц, разумеется! Разве в этом доме живет еще какой-нибудь профессор?

Мне пришлось объяснить Эрудиту, что в доме живем только я, мои родители и моя сестра Мира. Мы переехали в город из небольшой деревни, что в двух днях пути. Купили за бесценок этот дом, который несколько лет до нас пустовал. Внизу перед крыльцом стоит повозка с нашими вещами, и отец с парой наемных рабочих разгружает ее. Ни о каком профессоре я ничего не слышал.

Эрудит был поражен моим рассказом. Он принялся бормотать себе под нос всякую бессмыслицу и морщил лоб, словно пытаясь вспомнить что-то. Тут снизу донесся голос отца.

Нужно было идти. Эрудита я решил прихватить с собой. Для этого необходимо было спрятать его во что-нибудь. На

глаза мне попалась старая пустая тыква. Это было как раз то, что нужно!

– Прости, это ради твоей же безопасности, – сказал я, опуская Эрудита в тыкву.

Чтобы тот не выпал, я обвязал тыкву веревкой.

Спустившись с чердака, я собирался уже отнести тыкву с Эрудитом в свою комнату, но тут в коридоре появилась моя младшая сестра Мира.

– А я тебя повсюду ищу, – сказала она. – Тебя папа зовет. А что это у тебя?

– Так, ничего. Просто тыква, – ответил я.

Но, как нарочно, в это самое время из тыквы донесся голос Эрудита:

– Здесь довольно жутко. Не люблю темноту.

– Кто это? – с оживлением спросила Мира и глаза ее заблестели. – Там кто-то есть.

– Нет там никого, – поспешно ответил я.

– Но ведь я же слышала . . .

– Это тебе показалась, – сердито буркнул я и направился к лестнице на первый этаж, решив не выпускать тыкву из рук.

Слишком уж хорошо я знал свою любопытную сестру. Увидев, что тыква осталась без присмотра, она непременно добралась бы до нее и всё узнала.

– Ну, Уалий! Ну, кто у тебя там? – кричала Мира мне вдогонку.

Но я твёрдо решил, что рассказывать об Эрудите сестре

нельзя. Она запросто могла проболтаться родителям.

Надев куртку, я вышел на улицу. Отец стоял возле запряженной лошадьми повозки и руководил грузчиками, которые заносили в дом старинный обеденный стол. Крупными хлопьями падал снег. Повсюду были сугробы, и только проезжая часть улицы оставалась не заметенной.

– Уалий, пойди сюда, – позвал отец. – Вот тебе письмо, отнеси его поскорее на почту. Это каменное здание со шпилем. Мы проезжали его по дороге. Не заблудишься? А на что тебе эта тыква? Оставь ее.

Я в нерешительности обернулся. Вернуться и оставить тыкву в доме? Но там я непременно снова натолкнулся бы на Миру. Что было делать? Я огляделся. Повсюду лежал снег, и потому повозка показалась единственным подходящим местом. Положив в нее тыкву, я помчался на почту. Там у меня случился странный разговор с одной древней старухой. Но об этом позже.

Когда, вернувшись, я очутился во дворе дома, сердце мое замерло! Повозки перед крыльцом уже не было! Повозка уехала!

– Куда она уехала? – крикнул я, как ненормальный, появившемуся в это время на крыльце грузчику.

– Кто?

– Повозка!

– Туда, – он махнул рукой в сторону реки.

Я обернулся. В конце улицы я увидел повозку. Она кати-

ла к реке. Ни секунды не раздумывая, я со всех ног бросился за ней. Бежать по рыхлому снегу было очень тяжело. Я начинал задыхаться. Поминутно приходилось стирать с лица шерстяной рукавицей крупные хлопья снега. Пару раз я спотыкался и падал. Но тут же поднимался и продолжал бежать. Я догонял повозку, с каждым мигом она становилась все ближе. Теперь я уже хорошо мог видеть тыкву. Всякий раз, когда повозка попадала колесом на снежный бугор, тыква подсакивала и вот-вот готова была свалиться на землю. До повозки оставалось каких-нибудь несколько шагов, когда я почувствовал, что силы оставляют меня. Дышать становилось всё тяжелее, а ноги сделались ватными и не слушались.

– Пойдите, – закричал я извозчику, но ветер заглушил мой голос и унёс совсем в другую сторону.

Повозка снова начала от меня отдаляться. Я был в отчаянии. Но тут, въезжая на мост, повозка в очередной раз наскочила на снежный бугор, и тыква, высоко подпрыгнув, упала с повозки на снег, и покатилась прямо под ноги двум стоявшим на мосту мальчишкам. Я остановился. Согнувшись и упершись руками в колени, я некоторое время стоял так, жадно глотая ртом холодный воздух. В это время один из мальчишек поднял тыкву с земли и принялся её рассматривать.

– Она моя, – сказал я, распрямившись и подойдя к нему. И протянул руку, чтобы забрать тыкву. Но мальчуган даже и не думал возвращать находку.

– А откуда мне знать, что она твоя, – ответил он – Она упала с повозки, а я её подобрал. Значит, она моя.

– Эту тыкву я нашел на чердаке своего дома. Она моя и ничья больше, – решительно сказал я.

– Была твоя, стала моя, – усмехнулся мальчуган. – Не нужно было терять.

– Отдай, – сказал я, подходя еще ближе к наглецу.

Но тот не испугался, и не попятился назад. Он был выше меня, и взгляд у него был смелый.

– Отдай ему, – вдруг обратился к наглецу второй мальчуган, державший за плечами корзину с продуктами. – За-за-зачем тебе тыква?

– Не отдам, – ответил первый. – Пусть попробует забрать, если хочет.

При этих словах он дерзко и прямо поглядел мне в глаза. Это был вызов. И я так просто оставить этого не мог. Я ухватился обеими руками за тыкву и рванул её на себя. Наглец не ожидал этого. Но уже через мгновение опомнился и набросился на меня. Оба мы покатались по снегу, стараясь вырвать тыкву из рук друг друга. Во время борьбы наглец сильно заехал мне локтем по губе и разбил её. В ответ я ударил его головой по носу. Разозленный этим, он сильно двинул меня кулаком в бок, и, высвободив одну руку, ухватил меня за горло. Стараясь отбиться, я на мгновение забыл про тыкву, и та выскользнула и покатила по снегу к краю моста. Мы оба замерли. А тыква подскочила напоследок и упала в

реку. Быстрое течение тут же подхватило её и унесло прочь.

Не помню, как вернулся домой. Кажется, у меня ныло в боку, и щипала разбитая губа. Но я почти не замечал этого. Другое мучило меня. Я потерял Эрудита. И сам был виноват. Не следовало оставлять тыкву на повозке. Как можно быть таким беспечным?

Стараясь не попадаться никому на глаза, я пробрался в свою комнату и сел на кровать. Пока меня не было, в комнату уже успели принести письменный стол, стулья и коробки с одеждой, книгами и другими вещами. Но ничто из этого не радовало меня. Так неподвижно сидел я, бессмысленно глядя в окно. На улице начинало смеркаться.

Как вдруг ... Из-за стены донесся залиvistый смех Миры. А вслед за этим послышался и знакомый металлический голос. Не веря своим ушам, я бросился в соседнюю комнату. Я отворил дверь и замер. Посреди комнаты сидела на стуле, громко смеясь, моя сестра Мира. И на коленях она держала Эрудита, который с важным видом рассказывал ей что-то. Увидев меня, Эрудит прервался и произнес:

– Я тут рассказываю вашей сестре про говорящих птиц! Не хотите послушать?

А Мира при виде меня поспешно зажмурила глаза и заткнула руками уши, как делала всякий раз, когда думала, что её собираются ругать. Мне тут же все сделалось ясно. Пока я бегал на почту, Мира потихоньку достала Эрудита из тыквы и унесла в дом. А тыква осталась на повозке. На радостях я

расцеловал сестру в обе щеки.

* * *

Итак, в тот день на почте мне повстречалась старуха. Кожа ее была сморщенной. Беззубая челюсть беспрестанно жевала. В руках старуха сжимала корявыми пальцами деревянную клюку, опираясь на нее, чтобы не упасть. Спина ее под тяжестью лет так страшно была сторблена, что старуха, казалось, вот-вот переломиться пополам.

Мутными глазами старуха долго всматривалась в мое лицо и вдруг произнесла скрипучим слабым голосом.

– Я раньше не видела тебя здесь. Откуда ты, мальчик?

– Мы с родителями живем недалеко отсюда, – ответил я. –

У кедрового моста.

– Уж не в доме ли с зеленой крышей? – спросила старуха.

Я кивнул.

Старуха переменилась в лице. Глаза ее выразили страх.

– У этого дома дурная слава, – хриплым голосом сказала она. И добавила шепотом. – Там исчезают люди.

С этими словами старуха вцепилась в свою клюку и живо заковыляла прочь.

Глава II. Черный пес

Эрудит рассказал мне, что его создал человек по имени

профессор Кварц, бывший владелец того самого дома, где жила теперь наша семья. Несколько лет назад профессор Кварц при странных и ужасных обстоятельствах был похищен, и с тех пор Эрудит ничего не знал о его судьбе.

По словам Эрудита незадолго до похищения профессор Кварц внезапно переменился. Обычно веселый и неторопливый, профессор сделался серьезным и порывистым. Он потерял аппетит и лишился сна. Дни и ночи напролет он просиживал в своем кабинете, занимаясь какими-то сложными вычислениями. По временам внезапно вскакивал с кресла и начинал быстро ходить по комнате, бормоча себе что-то под нос. Он как будто торопился и боялся не успеть. Профессор твердил, что стоит на пороге открытия, которое изменит представления людей о мире.

В день похищения профессор выглядел особенно возбужденным. От напряженной работы глаза его ввалились и покраснели, седые волосы растрепались, руки лихорадочно дрожали. По неосторожности он сломал карандаш, которым писал, и стал искать другой в ящиках стола, но те были полны всякими бумагами. Тогда профессор с нетерпением стал один за другим опрокидывать ящики, вываливая из них все содержимое. Он ползал по полу, разгребая руками бумаги, как вдруг замер ... вскочил на ноги и закричал: «Ну разумеется! Ведь это же очевидно!».

С этими словами профессор схватил плащ и выбежал из дома. Эрудит в недоумении остался ждать его возвращения.

Вернулся профессор лишь к вечеру. Не успел Эрудит расспросить профессора, как раздался стук в дверь. Профессор вышел из кабинета и вскоре вернулся с незнакомцем. Тот не обратил внимания на металлическую голову, стоявшую на тумбе возле окна, и Эрудит поневоле сделался свидетелем страшного злодеяния. Поначалу профессор с незнакомцем просто разговаривали, и ничто не предвещало беды. Но постепенно их голоса становились громче, слова резче и вскоре непринужденная беседа переросла в горячий спор. И вдруг незнакомец накинулся на профессора, схватил его и поволок из кабинета.

– Все произошло очень быстро. Я и опомниться не успел, – печально произнес Эрудит.

Да и что бы он мог сделать? У Эрудита не было ног и рук, чтобы нагнать похитителя и вступить в схватку.

Эрудит слышал, как незнакомец стащил профессора вниз по лестнице, и как вслед за этим отворилась и захлопнулась дверь на улицу. Пребывая в совершенной растерянности, Эрудит отчаянно пытался сообразить, что предпринять, и ничего не мог придумать. Но этим дело не кончилось.

Не прошло и часа, как снизу донесся невообразимый шум. Послышались громкие голоса. По лестнице забарабанили тяжелые шаги. Несколько людей в черных плащах ворвались в кабинет. Эрудит зажмурил глаза. Он слышал, как незнакомцы обшаривали кабинет профессора, переворачивая все вверх дном. Затем один из них схватил Эрудита, по-

крутил в руках и бросил на пол как обыкновенную безделушку. Эрудит ударился, покатился . . . Очутившись в углу, Эрудит с ужасом наблюдал как незнакомцы бесцеремонно топчут ковер своими грязными сапогами. Отвратительно ругаясь, непрощенные гости принялись сгребать в кучу и засовывать в мешки чертежи профессора. Еще долго после этого Эрудит слышал, как они рыскали по дому, заглядывая в каждый угол. А потом воцарилась тишина.

Профессор в тот день домой так и не вернулся. Не вернулся он и на следующий день. И на следующий. Так и валялся Эрудит на полу в пустом доме, пока пружина, приводящая в действие механизм, не ослабла и не остановилась. А спустя несколько лет я нашел Эрудита на чердаке, скрипящего и покрытого паутиной.

Теперь он был в полном порядке. Я смазал его машинным маслом и хорошенько отполировал, так что он заблестел и вообще стал выглядеть как новенький. Я поставил его на полке рядом с кроватью. Мы договорились, что если родители войдут в комнату он прикинется неживым.

Мира каждый день приходила играть с Эрудитом. Она приносила с собой шляпки и наряжала его. Я пытался ей запретить, но моя несносная сестра пригрозила, что расскажет об Эрудите родителям. Делать было нечего, пришлось Эрудиту терпеть. На счастье у него была только голова. А то пришлось бы ему примерять еще и платья.

Я слышал, как родители ругались из-за меня. Подкравшись к двери, я подслушал их разговор.

– Это была твоя идея переехать в город, – говорил отец.

– Уалию нужна школа, он должен продолжить образование ..., – отвечала мама.

– О чем я только думал, соглашаясь на это?!

– Перестань ... нам не в чем винить себя. Откуда нам было знать, что они станут закрывать школы даже в городах ...

– Как мы будем жить?! – сокрушался отец. – Там меня все знали. Все знали, что я хороший мастер и шли ко мне. А здесь за целую неделю ни одного человека! Ведь не может быть, чтобы в городах у людей не ломались часы!?

– Незачем так волноваться. наших сбережений хватит на первое время, а после все образуется. Почему бы тебе не дать объявление в газету? Может быть, тогда люди станут приходить.

– А Уалий ... что с ним!?

– Поработает вместе с тобой в мастерской этот год. А дальше будет видно. Говорят, что скоро школы снова откроют.

После обеда отец велел мне идти в редакцию местной газеты, чтобы узнать, сколько станет дать объявление. Сам же принялся прилаживать вывеску над крыльцом нашего дома, на которой крупными буквами было написано «Часовых дел

мастер».

Я рад был возможности прогуляться по городу. Здесь все было по-другому, чем в деревне, откуда мы приехали. Дома были выше, людей больше. На улицах то и дело попадались вооруженные всадники верхом на лошадях. По ночам здесь зажигали фонари. Один такой стоял как раз напротив нашего дома. Так странно было засыпать при его свете. В деревне ночи темные.

В редакции сказали, что поместить объявление в газету стоит две бронзовые монеты.

На обратном пути я остановился перед витриной кондитерской. На улице уже стемнело. Было холодно и безлюдно. Я разглядывал карамельный торт, когда внезапно услышал позади себя приглушенное рычание. Я обернулся. У меня кровь застыла в жилах. В нескольких метрах от меня стоял огромный черный пес. Скалясь, он медленно на меня надвигался. Я вжался в витрину. Боком я стал подвигаться к двери, пока одной рукой не нащупал ручку. Я потянул за нее, но дверь оказалась заперта. Вне себя от ужаса я принялся барабанить в дверь. Пес угрожающе зарычал и бросился на меня. Чудом я успел отскочить. Пес врезался в дверь, а я со всех ног понесся по улице. Через мгновение я услышал за спиной страшное звериное дыхание. Пес гнался за мной. И с каждым новым прыжком он меня настигал. В надежде на спасение я изо всех сил рванулся в сторону и резко свернул между домами. Не успев остановиться, пес пронесся мимо,

в бешенстве лязгнув зубами. Я же бросился к реке. На другой ее стороне виднелась ограда из стальных прутьев. В одном месте прутья были сильно изогнуты, оставляя между собой пространство, в которое я мог втиснуться. А вот пес нет. Но до ограды было далеко ... В этот самый миг пес вновь показался в просвете между домами. Разгоряченный погоней, с бешеным блеском глаз, с черной короткой шерстью, отливающей серебром при свете звезд, он стоял на снегу и от его лоснящихся боков, от спины в темное небо поднимался на морозном воздухе горячий пар. Он бросился на меня, собираясь одним большим прыжком преодолеть канаву, которая нас разделяла. Но внезапно лед хрустнул и провалился под его весом, и пес застрял в канаве задними лапами. Это был шанс! Не медля ни секунды, я бросился к мосту. Я бежал так быстро, как никогда в жизни. Позади я снова слышал пса. Его тяжелые прыжки сотрясали доски под ногами. Ограда была уже близка, но пес еще ближе! И вдруг ... Вместо очередного вздрагивания досок я услышал только странный хрип. Повинуясь инстинкту, я бросился на землю, вжав голову в плечи. И в следующий миг, разинув пасть, пес пронесся надо мной в страшном прыжке. Я вовремя успел пригнуться – пес промахнулся, и его челюсти вместо моего плеча сомкнулись на стальном пруте ограды.

Пес лежал на земле. Пытаясь оправиться от столкновения с оградой, он тряс головой. Я не стал медлить. Вскочив на ноги, я шмыгнул между прутьев. В глазах все замелькало. Ку-

барем я скатился по снегу под откос, врезался в засохший куст и остановился. Но тут же снова вскочил на ноги и, не оглядываясь, побежал прочь по направлению к темному зданию, видневшемуся в глубине парка. Позади себе я услышал полный бешенства вой пса.

Не помню, как очутился внутри. Место напоминало кладовую. Повсюду стояли большие бочки. Из щелей деревянных ящиков торчала солома. Пахло травами и еще чем-то таким, от чего приятно щипало в носу. Под самым потолком в одной из стен было окно с настежь растворенными ставнями. Наверное, через окно я и попал внутрь. В голове все было как в тумане. Сердце бешено билось. Мне все еще чудилось, что я слышу пса и он преследует меня ...

Напротив окна была деревянная дверь. Внезапно она отворилась, и на пороге появился человек. Был он толстый, в белом фартуке и в высоком белом колпаке. С черной как смоль бородой.

– Вот ты где, негодный мальчишка! – громко сказал он – Долго мне ждать листьев тимьяна!?

Не успел я опомниться, как бородач схватил меня за руку и потащил к двери. Попутно он снял с полки жестяную банку, сунул туда свой нос, оглушительно чихнул и, громко выругавшись, выволок меня за дверь.

– Думаешь мне заняться больше нечем? – рявкнул он. – А? На этот раз тебе нечего сказать?

Он потащил меня вверх по крутой каменной лестнице.

– У меня на жаровне индейка, а я должен повсюду тебя разыскивать. Вот подожди, разделаюсь с ужином и доберусь до тебя.

При этих словах бородач втолкнул меня в дверь, и я понял, что мы оказались в кухне. Пахло жареным луком и томатной пастой. Из огромной кастрюли на каменной плите валил густой сытный пар.

– Что стоишь! – бородач ткнул меня в бок – Ну-ка, живо добавь в похлебку перца и принимайся за овощи. Ты забыл, где перец?

– Я ...

– В красном мешочке, – буркнул бородач.

И ткнув пальцем в направлении шкафа, бородач направился к жаровне.

Я ничего не мог понять и пребывал полным замешательстве. Где я? Кто был этот бородатый человек в белом фартуке? И почему он разговаривал со мной так, будто знал меня. Может быть, это сон? Сначала за мной гнался огромный злобный пес. Затем я очутился в незнакомом месте. В довершение толстяк в колпаке хотел, чтобы я варил похлебку. Все это очень напоминало дурной сон. На всякий случай, я сделал то, что велел этот человек – взял с полки мешочек с перцем и направился к кастрюле. Мне вовсе не хотелось злить его.

– Поживее там, – не оборачиваясь, проворчал бородач.

Я поднял крышку кастрюли ... и тут же бросил ее! Она

оказалась такой горячей, что я едва не вскрикнул от боли. Крышка с грохотом и звоном упала на пол.

– Этого и следовало ожидать, – недовольно пробормотал себе под нос бородач, поливая соусом индейку.

Я осторожно поднял крышку с пола. Затем развязал мешочек с перцем. Бородач не сказал, сколько перца нужно было насыпать в похлебку. Похоже, он думал, что я знаю. Но я не знал. Все больше и больше убеждался я в мысли, что он меня с кем-то перепутал. В кастрюле все бурлило и кипело, и плавали вареные овощи. Я решил, что уж лучше не доперчить, чем наоборот. Осторожно стал я насыпать молотый перец из мешочка в кастрюлю. Как вдруг тесемка, которой был обвязан мешочек, предательски соскользнула на пол. И не успел я глазом моргнуть, как пол мешочка перца разом высыпалось в кастрюлю. В этот самый миг бородач, управившись с индейкой, повернулся и зашагал в мою сторону. Я поспешно сунул мешочек с перцем в карман.

– Попробуем на вкус, – сказал бородач и взял большую ложку.

Я в ужасе замер. А бородач зачерпнул похлебку, подул и проглотил. И тут же побледнел. Затем позеленел. Затем побагровел. Глаза его вот-вот готовы были выскочить наружу. Бросив ложку на пол, он бросился к ведру с водой и стал пить так жадно, будто в горле у него был пожар.

– Сейчас ты пожалеешь, что появился на этот свет, негодный мальчишка! – проревел бородач.

Он собирался уже накинуться на меня, когда в кухню вошли двое. Я сразу их узнал. То были мальчишки, которые недавно повстречались мне на мосту. Они громко спорили.

– Пойдем со мной! Не будь трусом! – говорил тот, с которым я подрался из-за тыквы.

– Отстань от меня! Я не-не-не хочу никуда идти, – отбивался другой, державший в руках пучок трав. – Пап, скажи ему, что у меня много дел, – жалобно протянул он, обращаясь к бородачу.

Бородач был явно озадачен. Вытянув шею, он стал щурить глаза, глядя на этих двоих. Наконец, полез в карман своих широченных штанов и достал оттуда очки. Нацепив их на нос, бородач ахнул от изумления.

– Сын!?! – вырвалось у него.

Затем бородач повернулся и поглядел на меня.

– Разрази меня гром! А ты кто такой?! – воскликнул он.

Я не знал, что ответить.

– Кто такой, тебя спрашиваю! И как здесь оказался?! – угрожающе прогремел бородач, вытаращив на меня глаза.

Двое мальчишек тоже на меня с любопытством уставились.

– Видите ли, – начал я, подбирая слова. – За мной гнался пес ...

– Пес?! – воскликнул один из мальчишек. – Огромный?! Черный?!

Я кивнул.

Глаза мальчишки как-то странно блеснули. Он отпустил своего приятеля – того, что заикался – и вышел из кухни, сделав мне знак следовать за ним.

– Как же быть с этим разбойником? – крикнул ему вслед бородач, указывая на меня.

– Оставь его. Он со мной, – ответил мальчишка.

Я вслед за ним вышел из кухни. Некоторое время мальчишка разглядывал меня. Да, ошибки быть не могло. Это был тот самый наглец, с которым мы на днях подрались у реки из-за тыквы.

– Говоришь, пес ..., – произнес он.

Я снова кивнул.

– Не врешь?

– Нет, – ответил я.

– И как же ты от него убежал?

– Повезло, – ответил я.

Он усмехнулся.

– Меня зовут Тирр, – сказал он.

– Уалий.

– Пойдем, я кое с кем тебя познакомлю, – сказал Тирр.

Он повел меня по полутемному коридору. На стенах висели подсвечники и большие картины в тяжелых рамах. Мы проходили через каминный зал, когда навстречу нам попала женщина в белом чепце и переднике, с ведром и шваброй в руках. Она слегка поклонилась Тирру, почтительно уступив нам дорогу. Я успел разглядеть фарфоровую по-

суду и столовое серебро за стеклом высоких шкафов. Мебель обита была узорчатой тканью. Причудливый орнамент украшал стены и потолок. До того дня мне не приходилось бывать в таких домах. По всему было видно, что хозяева дома – люди знатные и богатые.

Мы поднялись по лестнице. Ступени ее были устланы мягким ковром. Резные перила гладко скользили под рукой. Снова спустились вниз. Тирр завернул за угол и остановился перед дверью.

– Пришли, – шепотом сказал он – Это комната Йошека, нашего дворецкого.

Тирр два раза постучал в дверь. А затем, подождав, еще три раза.

– Таков условный сигнал, – объяснил он. – Иначе Йошек не откроет. Он боится.

– Кого боится? – спросил я.

– Моего дядю, – тихо ответил Тирр. – Скоро все поймешь. Тем временем из-за двери донесся чей-то слабый голос.

– Это вы, господин?

– Я, открывай, – ответил Тирр нетерпеливо.

Дверь осторожно отворилась, и Тирр вошел в комнату. Я шагнул вслед за ним.

В комнате было так темно, что я с трудом мог различить даже собственные руки.

– Кто это? – тихо спросил незнакомец.

Он был совсем рядом, но я видел только темный силуэт.

– Его зовут Уалий. Он нам поможет.

– Ему можно доверять? – спросил незнакомец недоверчиво.

– Можно, – ответил Тирр – И зажги свечу. Нас все равно никто не увидит.

Щелкнул затвор замка. Затем послышались шаги, шорох и копошение. Наконец, вспыхнула и зажглась спичка. В ее слабом свете я увидел дворецкого. Он был закутан в шерстяное одеяло. Его сильно трясло, хотя в комнате было не холодно. Даже в тусклом свете я заметил, что дворецкий бледен, как мел. Волосы его были растрепаны. Взгляд перебежал с меня на Тирра.

– Неважно выглядишь, – заметил Тирр.

Усевшись в кресло, Тирр откинулся на спинку и принялся негромко насвистывать веселую мелодию. Дворецкий и я молчали. Язычок пламени тем временем опустился до самого основания спички и обжег пальцы дворецкого. Вскрикнув, тот обронил спичку на пол. В комнате снова стало темно.

– Почему бы тебе не зажечь свечу? – раздался в темноте голос Тирра.

– Опасно, – ответил дворецкий и зажег новую спичку. – Нас могут заметить.

Тирр ухмыльнулся. Затем обратился ко мне:

– Расскажи, как ты повстречал пса.

Я подробно пересказал всю историю – начиная с того момента, как пес подкараулил меня на улице. Тирр и дворецкий со вниманием меня слушали, не перебивая и не задавая вопросов.

– Теперь моя очередь, – сказал Тирр, когда я закончил.

Подойдя к окну, Тирр долго глядел через стекло на двор. Наконец, он заговорил.

– У моего дяди есть огромный сторожевой пес. Такой злой, каких больше нигде не сыщешь. Готов наброситься и сожрать любого, кто ему попадется. Ужасное создание. Дядя единственный человек, кто имеет власть над ним. Пес живет в старом саду, что недалеко от поместья. Со всех сторон сад окружен каменной стеной. Железные ворота всегда на замке. Некоторые думают, что где-то в саду дядя прячет сокровища, скопленные им за целую жизнь. А пес их стережет. Но лично я в это не верю. Мне кажется, что старый сад просто служит клеткой для пса. Там высокие стены и крепкие ворота, и псу оттуда не выбраться ..., – Тирр осекся. – По крайней мере, дядя так думает. И вот тут начинается самое интересное. Пса ведь нужно кормить. И кто его кормит, как ты думаешь?

– Ты? – предположил я.

– Не я ... он, – Тирр кивнул в сторону дворецкого. – Он кормит пса.

– Если вы мне не поможете, я пропал, – вдруг быстро и жалобно заговорил дворецкий, и горящая спичка задрожала

в его руке.

Тирр продолжал:

– От ворот старого сада есть только два ключа. Один хранится у дяди, другой – у Йошека. Раз в день Йошек отворяет ворота сада, чтобы оставить на земле ведро с кормом и воду для пса. После снова запирает их. Но в последний раз забыл, и пес выбрался наружу ...

– О, что же вы такое говорите! – воскликнул дворецкий. – Разве мог я забыть?! Да я скорее забуду собственное имя, чем запереть проклятые ворота! Да я же боюсь этого пса больше всего на свете! Раз я видел, как он следил за мной из кустов неподалеку, пока я наполнял его миску. Я жив до сих пор лишь потому, что пес этот очень умен. Он знает, что я приношу еду, и потому не трогает меня. Но сколько раз ... о сколько раз я пробуждался посреди ночи в холодном поту от одного и того же кошмара! Будто прихожу я в старый сад, а в ведре моем нет мяса. И расшвирипевший пес бросается на меня ... Нет, не мог ... слышите меня, не мог я забыть запереть ворота. Ясно помню, как провернул ключ несколько раз. Как щелкнул замок ..., – голос дворецкого дрожал. – Я не виновен. Ума не приложу, как удалось этому чудовищу сбежать из старого сада. Ворота точно были закрыты.

– Тогда как же он выбрался? – спросил Тирр, усмехнувшись.

– Не знаю ... не знаю, – в отчаянии простонал дворецкий, хватаясь за голову.

– Несдобровать нашему дворецкому, – сказал Тирр. – Если дядя узнает про пса, он решит, что Йошек забыл запереть ворота. А если пес вдобавок сожрет кого-нибудь за это время ... Уфф ... Тогда точно несдобровать нашему дворецкому.

От этих слов дворецкий тихо застонал. А Тирр лишь усмехнулся. Казалось, ему нравилось пугать Йошека. Мне стало жалко несчастного дворецкого.

– Может быть, пес подрыл лаз под забором? – предположил я. – Или где-нибудь в стене есть брешь.

Тирр задумался, а дворецкий поднял голову, и в глазах его впервые блеснул огонек надежды.

– Ну конечно же! Конечно! – воскликнул дворецкий.

Казалось, он готов был броситься ко мне и расцеловать.

– Об этом я не думал, – признался Тирр. – Мысль хорошая. Нужно пойти и проверить.

– Куда пойти? – оторопел дворецкий.

– Как куда? В старый сад! – ответил Тирр.

– В старый сад? – лицо дворецкого вновь сделалось бледным.

– Если там есть лаз под забором, мы обязательно отыщем его, – сказал Тирр.

– Но это самоубийство! – возразил дворецкий. – Что, если пес вернется и застанет нас там?! Тогда нам конец! Нет ... я ни за что туда не сунусь!

– Тем хуже для тебя, – ответили Тирр невозмутимо. – Это был последний шанс доказать твою невиновность. Теперь

точно не избежать гнева моего дяди. Пойдем, Уалий! Нам здесь нечего делать. Пускай Йошек сам выпутывается!

– Пойдите! – закричал дворецкий. – Я согласен!

Глава III. В старом саду

Закутавшись в теплую одежду, мы шли между высоких елей и сосен по узкой тропинке, ведущей к старому саду. Впереди шел Тирр, за ним я. Дворецкий плелся последним. Вид у него был жалкий. Он был похож на заключенного, которого ведут на казнь. Он то и дело спотыкался. Мне казалось, что он вот-вот упадет в сугроб и останется лежать на снегу. Но он обреченно следовал за нами.

Вскоре мы подошли к воротам старого сада. Они были заперты на тяжелый стальной замок.

– Видите, ворота заперты. И все время были, – прошептал дворецкий.

– Ты мог сам запереть их, когда обнаружил, что пес сбежал, – ответил Тирр.

Дворецкий упал на колени и стал рвать на себе волосы.

– Ну почему ... почему мне никто не верит!? – всхлипывал он. – Ворота все время были заперты. Готов поклясться своей жизнью. Я не знаю, не знаю, как удалось этому проклятому псу выбраться из сада ...

– Возьми себя в руки и отопри ворота, – сказал Тирр. – Мы пришли сюда не слезы лить.

Дворецкий медленно поднялся со снега. Расстегнув плащ, он достал из шерстяного пиджака ключ на медном кольце. Трижды он повернул ключ в замке и тот громко щелкнул, и открылся. Заскрипела тяжелая дверь, и мы оказались внутри.

В глубине сада виднелся темный силуэт высокой башни, к которой вела занесенная снегом дорожка. Ели и сосны здесь не росли. А росли другие деревья, каких я раньше никогда не видел. Из-под сугробов торчали ветки кустов. У стены я заметил пару огромных пустых железных мисок, куда бросали корм для пса. А рядом на снегу валялись обглоданные кости. Дрожь пробежала у меня по спине.

Мы двинулись вдоль стены. Тщетно мы вглядывались в темноту, стараясь заметить следы подкопа или брешь в каменной кладке. Ничего такого видно не было. Ноги наши увязали в глубоком снегу. Идти с каждой минутой становилось все труднее. Вскоре мы окончательно выбились из сил, не исследовав и малой части старого сада. Мы остановились. Тирр опустился коленями на сугроб и принялся копать. Мы с дворецким молча наблюдали за ним. Вскоре Тирр уперся в мерзлую землю. Достав из кармана раскладной ножик, Тирр попытался с помощью него проделать углубление, но лишь напрасно затупил лезвие. Холод сделал землю твердой как камень.

– Ты хочешь сказать, что пес не мог вырыть лаз? – догадался я.

– Именно, – ответил Тирр.

Поднявшись, он отряхнулся от снега.

– Сад слишком велик, нам не удастся обойти его кругом, – сказал Тирр. – Но я уверен, что и брешь мы тоже не найдем. Эти стены простоят здесь еще тысячу лет, прежде чем начнут разрушаться. Поглядите на них. Приходилось вам раньше видеть такие огромные камни? Чем дольше мы ходим здесь, тем лучше я понимаю одну простую вещь. Пес мог удрать отсюда только через ворота.

Слова Тирра прозвучали убедительно. Дворецкий обреченно опустил голову. Казалось, он не в силах больше отрицать свою вину и смирился. Я же не знал, что думать. Вышло, он действительно забыл закрыть ворота. А как иначе пес мог сбежать? И все же хотелось верить ему. Ведь не мог же человек так отчаянно лгать, рвать на себе волосы, почти рыдать, доказывая невиновность.

Тем временем, что-то привлекло внимание Тирра. Он направился к высокой каменной башне. Мы стояли как раз поблизости.

– Любопытно, – проговорил он, подходя к подножию башни, где в стене виднелась тяжелая металлическая дверь.

– Что там? – спросил я.

– Следы ..., – ответил Тирр, указывая на них рукой.

И в самом деле! На снегу были заметны свежие человеческие следы!

– Это не ты здесь бродил? – обратился Тирр ко дворецко-

му.

– Что вы! – ответил тот испуганно. – Я дальше нескольких шагов от ворот в жизни не отходил. Наполнял миску пса и сразу обратно ...

– Не врешь?

– Погляди на следы, – вмешался я. – Они лишь немногим больше наших с тобой. У Йошека же ступня куда длиннее.

– Верно подмечено, – ответил Тирр, и добавил задумчиво. – Стало быть, и не дядины.

– Чьи же тогда? – спросил я.

– Не знаю, – пожал плечами Тирр. – Ума не приложу, кому могло понадобиться бродить здесь вокруг башни. Странно. Очень странно.

– Напротив, – возразил я. – Ты же сам говорил, что люди думают, будто в саду зарыты несметные богатства. Ради денег многие готовы рискнуть жизнью.

При этих моих словах Тирр враждебно поглядел на дворецкого.

– Уж не твой ли это сообщник?! – сказал он, хватая дворецкого за рукав как вора. – Признавайся, негодяй! Ты специально оставил ворота открытыми, чтобы пес сбежал и оставил сад без охраны?!

Бедняга дворецкий замотал головой.

– Что же вы такое говорите, мой господин, – взмолился он, падая на колени. – Всю свою жизнь я служу вашему дяде. Он благородный человек. Да, он суров! Но он всегда был

честен и справедлив со мной, и я не знаю большего счастья, чем быть ему преданным слугой. Никогда и в мыслях не мог я подумать, чтобы обмануть его и предать его доверие! Да и зачем мне сокровища на старости лет! Я доволен своим хлебом и крышей над головой ...

Вдруг где-то совсем близко раздался леденящий кровь протяжный вой. Мы замерли. Спустя мгновение вой повторился. И на этот раз он был уже громче!

– Пес вернулся ... – прошептал дворецкий.

Из глубины сада до нас донесся треск веток. Пес приближался.

– Скорее, в башню, – крикнул Тирр.

Мы бросились к тяжелой двери, но та была заперта. В отчаянии мы толкали ее в одну и в другую сторону, пинали, но дверь даже не шелохнулась.

– Плохо дело, – сказал Тирр.

Я огляделся по сторонам. Невдалеке росло высокое раскидистое дерево. Это было наше спасение.

– Лезем на дерево, – крикнул я.

Мы бросились к дереву и в несколько мгновений взобрались на него достаточно высоко, чтобы пес не мог нас достать. Едва мы сделали это, как снова раздался оглушительный вой и словно черная тень пес появился из гущи кустов.

– Чтоб мне провалиться, – прошептал Тирр. – Он еще больше, чем я думал.

Расставив огромные лапы, пёс свирепо замер на месте. И

вдруг его шерсть на холке ошетибилась, и беззвучно осклалились клыки. Пёс заметил дворецкого. Дворецкого! Мы с Тирром оба невольно вскрикнули. Только сейчас мы заметили, что дворецкий не бросился вместе с нами на дерево. Оцепенев от ужаса, он стоял на прежнем месте и ни в силах был пошевелиться.

– Сюда! Сюда беги, дурень! – закричал ему Тирр.

Но дворецкий, казалось, его не слышал. Да и было уже слишком поздно! Хищно ослабившись, пес уже стремительно приближался к нему. Замерев, мы с Тирром наблюдали за происходящим с дерева. Перед нашими глазами разворачивалась жуткая картина. Пёс продолжал стремительно сближаться с дворецким. А тот объят был таким ужасом, что даже не в силах был вскрикнуть и лишь тихо шептал что-то пересохшими губами и безотчетно отступал назад. Пока не уперся в стену. Вжавшись в неё, он глядел остекленевшими глазами на пса. А пес уже и не спешил покончить с ним. Чувствуя незащищенность жертвы, пёс замедлил шаг. словно желал растянуть наслаждение расправой.

– Он же сейчас сожрёт его, – прошептал Тирр.

Я тоже это понимал. Нужно было действовать. Я спрыгнул с дерева. У меня не было плана, но медлить было нельзя. На глаза мне попался увесистый кусок льда. Схватив его с земли, я размахнулся и швырнул в пса. Снаряд угодил псу в заднюю лапу. Вздвогнув, тот резко обернулся.

– Эй, страшила! – крикнул я ему. – Помнишь меня?

Глаза пса налились кровью. Огромная шея вздулась, а из пасти проступила пена. При виде меня пёс пришел в настоящее бешенство. Похоже, он меня помнил. Становилось не до шуток.

– Ты с ума сошел, – закричал с дерева Тирр. – Лезь обратно наверх.

Но времени забраться на дерево не было. Позабыв про дворецкого, пес ринулся на меня. Я продолжал медленно отступать. Не спуская глаз с пса, я засунул руку в карман и нашупал мешочек с перцем. Тем самым, что случайно просыпал на кухне в кастрюлю. Пёс теперь был в нескольких шагах от меня. В этот миг я почувствовал, что уперся спиной во что-то твёрдое. Дальше отступать было некуда. Сердце мое безумно колотилось. Пёс замедлил шаг. Он был так близко, что я мог чувствовать его зловонное дыхание. Пес разинул пасть ... Не медля больше ни секунды, я бросил мешочек с перцем прямо в морду пса. Тот сморщился. Затем со злобным рычанием неуклюже повалился на снег и принялся кататься с бока на бок. Передними лапами пес старался стереть перец с носа. Вдруг он оглушительно чихнул! Затем еще раз! Еще раз! Он чихал не переставая.

Тирр соскочил с дерева. Мы вдвоем подбежали к дворецкому. Взяв под руки, мы повели его прочь из сада. От пережитого тот, бедняга, едва волочил ноги. Когда мы выбрались за ворота, Тирр запер их на замок, трижды провернув ключ в замочной скважине. А из глубины старого сада до нас все

еще доносилось громкое чиханье свирепого пса.

* * *

Поднялся ветер. Верхушки деревьев тяжело раскачивались. В стороне темнели стены поместья. Все случившееся казалось странным сном.

– Дорогу знаешь? – спросил Тирр.

– Пролезу между прутьями в ограде. Я уже так делал.

– Интересно, что внутри башни, – произнес Тирр задумчиво.

– Да уж, – ответил я.

Воцарилось молчание. Мороз начинал пощипывать пальцы. Только сейчас я заметил, что где-то потерял свои рукавицы.

– Ладно, я пойду, – сказал я.

– Удачи, – ответил Тирр, глядя куда-то в сторону.

– И тебе, – сказал я.

Я был уже далеко, когда до меня донесся голос Тирра.

– Эй, Уалий, – крикнул он.

Я обернулся, но в темноте уже не мог его различить.

– Чего? – отозвался я.

– А ловко ты уделал пса!

Снова наступила тишина. Высоко надо мной потрескивали от мороза стволы елей. Я зашагал домой.

Глава IV. На краю земли

Дни я проводил в мастерской, помогая отцу. Зажав в глазу увеличительное стекло и тихо бормоча себе что-то под нос, он подолгу мог неподвижно сидеть за столом, склонившись над часами. Удивительно было наблюдать, как ловко справлялись с отверткой и пинцетом его крупные пальцы. Шестеренки и пружины послушно оживали под его руками, а вот мне наотрез отказывались подчиняться. Мне не хватало отцовского терпения. От долгой кропотливой работы у меня начинал чесаться нос. Я ерзал на стуле. Непослушные винтики то и дело предательски выскальзывали у меня из рук. Рано или поздно все начинало меня раздражать. И я никогда не понимал отца, говорившего, что работа успокаивает. Единственное, что нравилось мне, было тиканье часов. Их в мастерской было множество. И у каждого была своя мелодия. Особенно любил я звук больших настенных часов с маятником, стоявших в углу. Их крупный ровный ход ясно выделялся среди остальных. И другие часы, казалось, равнялись на них.

В одно утро нашу работу нарушили громкие голоса и лошадиное ржание, доносившиеся с улицы. В дверь грубо постучали. Отец пошел открывать.

– Одевайтесь и выходите с семьей во двор, – слышался из прихожей незнакомый голос.

Вслед за этим несколько солдат в грязных сапогах вошли

в дом. Они стали ходить по комнатам, заглядывали в каждый угол и вываливали все из ящиков и шкафов. Вещи летели прямо на пол. Деревянные доски покрылись осколками разбитой посуды. Пока родители поспешно хватали плащи, я попытался проскочить в свою комнату, чтобы забрать Эрудита, но один из солдат перегородил мне путь.

– Живо на улицу, – рявкнул он.

Мы вышли из дома во двор. Мама помогла Мире закутаться в пальто, велел мне сделать то же самое. Дул ветер с мокрым снегом. Повсюду на улице стояли другие люди, которых также как и нас выгнали из дома. Некоторые из них даже не успели одеться. Рядом я заметил человека в пижаме, съжившегося от холода. Отец снял с себя свитер и протянул ему. Тот с благодарностью принял помощь.

– Пап, что происходит, – спросила Мира.

– Обыск – ответил отец.

Я и до этого слышал об обысках, но своими глазами видел впервые. Говорят, в городах обыски устраивали все чаще и чаще. Меня поразили лица наших соседей. Эти лица ничего не выражали. Люди просто молча ждали, когда все закончится. Никто не кричал и не пытался мешать солдатам, пока те переходили из одного дома в другой. Казалось, для наших соседей, проживших в городе долгие годы, обыски были привычным делом.

Внезапно мое внимание привлек один из солдат, подбежавший к группе офицеров, стоявших в стороне. Быстро и

взволнованно он принялся им что-то говорить, указывая на человека, которому отец отдал свой свитер. Офицеры обернулись. Человек в свитере поймал на себе их взгляды, и лицо его побледнело и сделалось каменным. Он начал пятиться и вдруг побежал.

– Держи его, – закричал офицер с длинными усами.

Сразу несколько солдат вскочили верхом на коней и погнались за ним. Погоня продолжалась недолго. В конце улицы они его настигли. Один из солдат сбил беглеца с ног ударом хлыста. Рухнув на землю, человек в свитере попытался подняться, но солдаты навалились на него, заломили руки и принялись связывать.

– Расходитесь, расходитесь по домам, – закричал на людей офицер.

Что было дальше, я не видел.

После себя солдаты оставили в доме грязь и разрушение. Одежда наша беспорядочно валялась на полу вместе с разбитыми горшками, землей и растоптанными растениями. Мебель была сдвинута с привычных мест. Половицы свалены в кучу в углу. В мастерской отец не досчитался нескольких часов.

Эрудита я нашел там же, где оставил – на подоконнике в своей комнате. Когда в комнату вошли солдаты, он прикинулся неживым, как делал при посторонних. По словам Эрудита один из солдат долго вертел его в руках, разглядывая. Но, в конце концов, поставил обратно и ушел.

К вечеру после долгих трудов нам удалось привести дом в порядок. Ужинали мы в молчании. Наконец, я спросил отца:

– Кого они искали?

– Отступников, – ответил он.

– Тот человек . . . за что они его схватили? – спросила

Мира.

– Не знаю, – сдвинув брови, сказал отец. – Наверное, нашли в его доме что-то незаконное.

Мне показалось, отцу неприятно было вспоминать о том человеке. Ведь выходило, что отец отдал свитер отступнику. Мы редко говорили на такие темы, но если уж случалось, отец неизменно становился угрюм и резок, говоря об отступниках. Что до меня, то я с трудом понимал, чем они так опасны. Куда больше меня возмутило, какой погром учинили в доме солдаты, о чем я и сказал. Услыхав это, отец перестал есть и посмотрел на меня так, что я сразу пожалел о своих словах.

– Я просто хочу сказать, что они могли быть и повежливее, – пробормотал я, желая оправдать себя.

Но этим только еще больше разгневал отца.

– Не говори о том, чего не понимаешь, – сурово произнес он. – Они защищают нас от таких, как этот . . ., – он не сумел подобрать слова. – Знаешь ли ты, что бывает, если вовремя не хватать отступников и не бросать их за решетку?

Я молча смотрел в тарелку, боясь поднять голову.

– Ты не знаешь. Так я расскажу тебе, что бывает.

– Он уже все понял, – поспешила вмешаться мама. – Дети, идите к себе в комнаты.

– Нет, пусть послушают, – сказал отец. – Они уже достаточно взрослые. Пусть знают. Мне было столько же, как сейчас Уалию, когда по вине отступников небесные тени обрушили на мою деревню свой гнев.

При этих словах мы с Мирой уставились на отца. Он никогда не рассказывал нам ничего такого.

– В тот год был неурожай, – продолжал отец. – Люди боялись остаться голодными и тогда нашлись среди них такие, которые убедили остальных взбунтоваться. Бунтари прогнали слуг наместника, когда те пришли собирать дары для небесных теней, и накликali беду. На третью ночь небо над деревней озарилось огнем. Небесные тени носились над домами и деревьями, извергая пламя. Они сожгли все дотла. Я был одним из немногих, кому удалось спастись.

* * *

Той ночью я долго ворочался в кровати, думая о том, что рассказал отец. Трудно было поверить, что небесные тени могут быть столь жестокими. Мне вспомнился праздник посланий. Это было в середине осени в прошлом году. По такому случаю отец даже взял меня с собой в город. С наступлением темноты люди вышли на улицы, держа в руках горящие факелы. Толпа двигалась к главной площади. Я взо-

брался на пожарную лестницу одного из домов. Сверху казалось, что подо мной течет огненная река. Так много было людей. И надо всем этим несея магический рокот. Это жрец звуком огромного рога призывал народ. В центре площади уже высилась целая гора из записок с посланиями для небесных теней. Я тоже держал в руке записку. Наступал час, когда по улицам должны были провести отступников. И вот они появились, закованные в цепи. Они двигались узкой колонной в сопровождении солдат. На них были оборванные одежды. Обувки не было, они шли босиком по холодной земле. Я вглядывался в их лица, пытаюсь понять, что толкнуло их нарушить древний закон. Почему они не принесли дары, как делали другие? Каждый год наша семья приносила в дар небесным теням щедрые подношения, в прошлом году – два десятка мешков пшеницы и несколько корзин соли. Другие семьи тоже приносили дары. Так значит, это из-за таких вот отступников небесные тени уничтожили деревню отца!? И все же ... странно ... думая об отступниках, я не чувствовал злобы к ним и не чувствовал исходящую от них угрозу. Я помнил их лица. Это были лица изможденных и несчастных людей. Когда колонна скрылась за зданиями, я спустился с лестницы и сквозь толпу людей пробрался в центр площади. Жрецы, облаченные в длинные плащи, уже собирались поджигать послания небесным теням. Я бросил свою записку, и она смешалась с сотнями других. Пламя быстро пожирало бумагу, и вскоре вся гора из записок превратилась в огром-

ный пылающий костер. Черный дым поднимался к звездам, унося наши послания для небесных теней.

Когда же я заснул, мне привиделся странный сон. Будто плыву я по реке верхом на огромной рыбе. Течение становится все быстрее, и вдруг я слышу впереди рев водопада. Я пытаюсь спастись, ухватившись за ветку дерева, но слишком поздно. Мы падаем вниз с огромной высоты. Внезапно рыба подо мной расправляет плавники, и мы летим над землей, как птицы. Люди внизу указывают на меня руками и кричат: «Смотрите, это Уалий!»

* * *

Отца не была дома. Он уехал в деревню уладить какие-то дела. Мама с Мирой были заняты хлопотами по хозяйству, и я остался предоставленным самому себе. Послonyaвшись без дела по дому, я взял со стола отцовскую газету с кроссвордом и поднялся к себе в комнату. Редакция газеты обещала в качестве награды шахматную доску тому, кто разгадает все. Быстро расправившись с первыми несколькими словами, я застрял на названии самой высокой горы. Оно просто вылетело у меня из головы. Я был уверен, что знаю ответ. Он вертелся у меня на языке. Нужно было лишь вспомнить, но вспомнить не получалась. От напряжения я даже стал грызть карандаш.

– Что вы делаете? – спросил Эрудит, наблюдавший за

мною с подоконника.

– Пытаюсь выиграть шахматную доску, – ответил я.

– Разве для этого нужно съесть карандаш?

– Для этого нужно ответить, как называется самая высокая гора.

– Баркаль.

Я с изумлением уставился на Эрудита. Это было название горы, которое я никак не мог вспомнить! Удивительно, но Эрудит знал правильный ответ. Я заполнил карандашом пустые клеточки.

– Созвездие из пяти расположенных в ряд звезд, которое можно наблюдать только поздней осенью, – медленно прочитал я вслух следующий вопрос.

И еще прежде, чем я успел представить, как выглядит это незнакомое мне созвездие, Эрудит произнес:

– Копье Энэя.

Я стал вписывать ответ Эрудита в клеточки, и к моему великому удивлению все буквы снова подошли!

– Откуда ты все знаешь!?! – воскликнул я.

– Из энциклопедии, – ответил Эрудит, явно довольный тем, что произвел на меня впечатление. – Я прочитал много книг, пока жил вместе с профессором Кварцом. Единственной сложностью было то, что я не мог переворачивать страницы, так что поначалу профессору приходилось делать это за меня. Это отвлекало его от работы. И тогда он придумал специальное устройство под названием "листопереворачива-

тель". После этого я мог читать сколько угодно, не мешая профессору заниматься его делами.

– Листопереворачиватель ..., – запинаясь повторил я. – Это кто придумал такое название?

– Профессор Кварц, – торжественно произнес Эрудит.

– Ну и название! Неужели человек, который изобрел говорящую голову и еще кучу других приспособлений не мог придумать названия получше?

– Простите, не понял вашего вопроса?

– Не важно, – ответил я. – Скажи лучше, неужели ты помнишь все, что прочитал?

– Разумеется, – сказал Эрудит. – А вы разве нет?

Я не нашелся, что ответить. Обманывать доверчивого Эрудита было нехорошо, но и признаваться в том, что железная голова работает лучше человеческой тоже не хотелось. Так что я поспешил сменить тему.

– Из древесины какого дерева изготавливали стрелы для лука в древние времена? – прочитал я следующий вопрос.

Не задумываясь, Эрудит тут же выдал правильный ответ. Не прошло и нескольких минут, как мы разгадали весь кроссворд. С победным видом глядел я на заполненные клетки, и уже предвкушал, как получу награду от редакции газеты. Вот родители удивятся!

В это самое время что-то ударилось и отлетело от стекла. Я выглянул в окно и увидел Тирра верхом на лошади.

– Как поживаешь, Уалий! – крикнул он с веселою улыб-

кой. – Поехали со мной, есть дело!

– Как ты меня нашел?

– О, это было не сложно. Так ты едешь?

– А что за дело? – спросил я.

– Тут не лучшее место для разговора. По дороге объясню, – загадочно ответил Тирр.

Мгновенье я колебался. Что мне было сказать матери? С другой стороны, она и не заметит моего отсутствия, уверил я себя. На всякий случай, я оставил на столе записку: «Мам, скоро вернусь, не волнуйся. Уалий».

Вытащив из-под кровати и натянув ботинки, надев куртку и шарф, я снова задумался. Как выйти из дома незамеченным? Через окно. Распахнув ставни, я перелез через подоконник, повис на руках и спрыгнул на землю. Эрудиту я сказал, что к вечеру раздобуду где-нибудь еще один кроссворд, а приз поделим пополам.

– Забирайся, – сказал Тирр, протягивая руку.

Не очень ловко, но довольно проворно я залез на лошадь, сев в седло позади Тирра.

– Первый раз верхом? – спросил Тирр.

– Вовсе нет, – соврал я. – В деревне я часто ездил на лошади.

Ухмыльнувшись, Тирр подобрал поводья и ударил по бокам лошади.

– Пошла, – крикнул он и присвистнул.

Лошадь тряхнула гривой и сорвалась с места, пустившись

вперед крупной рысью. Боясь свалиться на землю, я вцепился в Тирра. Мы промчались по улице. Прохожие при виде нас шарахались в стороны. Оставив позади мост через реку, мы выехали в поля. Ветер свистел в ушах. В чистом небе ослепительно сияло солнце. Из-под копыт нашей лошади разлетались во все стороны брызги весенних ручьев. Местами еще лежал снег, но из земли уже пробивалась молодая трава и первые полевые цветы. Воздух был свеж и прохладен. И я сам не заметил, как страх свалиться с лошади отступил. Выпрямившись в седле, я глядел вдаль, где на склонах холмов синел на горизонте густой лес. Сами собой вспомнились слова старинной песни, которую я однажды слышал в деревне:

Улетаю с ветром в чужие края,

Истреплет дорога одежды,

Собьюсь ли с пути, возвращусь ли когда ...

А дальше я не помнил.

* * *

Мы достигли подножия холмов. Здесь Тирр пустил лошадь шагом, а мне велел глядеть в оба.

– Дай знать, если заметишь следы копыт или повозок, – сказал он, обернувшись через плечо.

– Ты до сих пор не сказал, куда мы направляемся, – напомнил я ему.

– Преследуем моего дядю, – спокойно ответил Тирр.

– Зачем?

– Затем, что он приведет нас туда, куда прилетят небесные тени.

Я едва не потерял дар речи, услышав такое.

– Если ты еще не знаешь, мой дядя служит консулом при наместнике – продолжал Тирр. – Дядя собирает золото и серебро в казну. А еще следит за приношением даров небесным теням, чтобы те не разгневались и не сожгли дотла города и деревни. Ну что молчишь?

Я в самом деле не знал, что сказать. Разумеется, я догадывался, что дядя Тирра был богатым человеком, раз жил в огромном поместье и содержал прислугу. Но я и подумать не мог, что он был консулом. А заявление Тирра о том, что мы направляемся туда, куда прилетят небесные тени ...! Это просто не укладывалось в голове!

Не дав мне опомниться, Тирр снова заговорил:

– Трижды в год дары грузят на повозки и ночью вывозят из города в неизвестном направлении. Сегодня была такая ночь. Я видел из окна своей комнаты, как вереница повозок во главе с моим дядей выехала за ворота поместья. Десятки вооруженных всадников сопровождали их, держа в руках фонари. Я видел, как они направились в сторону полей, а через поля ведет лишь одна дорога. И ведет она в эти леса. Если я не ошибся, если мы не потеряем их след, то вскоре настигнем их. Настигнем еще прежде, чем они доберутся до места, куда за дарами прилетят небесные тени. Мы спрячем-

ся поблизости. Мы дождемся, когда наступит ночь и небесные тени опустятся на землю из-под черных облаков. И вот тогда мы сумеем разглядеть их как следует. Разве ты никогда не мечтал об этом? Увидеть небесных теней!

Признаюсь, в тот миг я пожалел, что так безрассудно согласился пуститься с Тирром неведомо куда и зачем.

* * *

Вскоре мы заметили на земле следы конских копыт и колес повозок. При их виде Тирр ничего не сказал, только прищипил лошадь и мы вновь поскакали быстрее. Лес вокруг становился все гуще. Отовсюду доносилось пение птиц, какого и не услышишь в городе. Временами ветви деревьев над нами нависали так плотно, что солнечные лучи едва проникали сквозь них, и мы ехали в странной темноте. Под ногами лежал талый рыхлый снег.

Не так давно в лавке старьевщика я видел на стене старую карту с изображением окрестностей города. Были на карте и поля, и этот лес, где мы теперь скакали с Тирром на лошади. Но вот меж деревьев что-то заискрилось, и мы очутились на берегу большого лесного озера. Я точно помнил, что его на карте не было, а значит мы выехали за ее пределы. Странное чувство охватило меня. Никогда не оказывался я так далеко от дома. Да и мало кто мог похвастаться этим. Люди боялись покидать пределы городов. Поговаривали, что в лесах ору-

дуют шайки разбойников. В газетах не писали об этом, но я сам не раз слышал о торговых повозках, бесследно пропавших в пути. От этих мыслей мне сделалось не по себе, и я поспешил прогнать их.

Где-то рядом с нами раздалось тревожное криканье, и вслед за этим с громким всплеском сразу несколько уток, испугавшись нас, бросились с берега в воду.

Мы обогнули озеро. Тропинка вновь уходила вглубь леса. Вдруг Тирр насторожился и резко натянул поводья. Фыркнув, лошадь остановилась.

– Что случилось? – спросил я.

Тирр молчал, напряженно прислушиваясь.

– Чьи-то голоса ... , – произнес он шепотом.

Но я слышал лишь шелест ветра в верхушках деревьев.

«Показалось», – уже хотел ответить я.

Как вдруг ветер на мгновение стих, и до меня донесся приглушенный смех. А вслед за этим послышались и голоса. Незвестные приближались к нам.

Тирр стремительно соскочил с лошади. Я сделал то же самое.

– Скорее, прячемся! – сказал Тирр, сунув мне в руки поводья.

Не задавая лишних вопросов, я вместе с лошадыю свернул с тропы и поспешил прямо в чащу деревьев. Стараясь двигаться так, чтобы не создавать шума, я одновременно гладил лошадь по морде. Бедняжка выглядела напуганной, крутила

головой и раздувала ноздри. Ей вовсе не хотелось лезть в непролазную темноту, где корявые сучья цепляли ее за бока, а копыта то скользили на мокрых корнях, то увязали в рыхлом снегу. Тем временем Тирр схватил разлапистую еловую ветвь и принялся ею заметать наши следы. Затем тоже бросился в укрытие деревьев. Едва он успел спрятаться, как на тропе показались двое всадников. То были солдаты наместника. Не заметив нас, они неспешно проехали мимо и скрылись за поворотом. Я с облегчением выдохнул.

– Чуть не попались, – сказал Тирр, забирая у меня поводья. – То был патруль на случай, если кто-то преследует повозки. Должно быть, мы уже близко.

– А если бы попались? – спросил я.

Тирр только пожал плечами.

Опасаясь нарваться на новый патруль, мы пробовали продвигаться лесом, не выходя на тропу. Но это оказалось изнурительно и слишком медленно. То и дело нам приходилось отклоняться в сторону, обходя густой валежник, поваленные деревья и буераки. Ноги проваливались в снег и ветви царапали лицо. В конце концов, мы вынуждены были вновь вернуться на дорогу. На этот раз двигались уже пешком. Тирр вел лошадь под уздцы. Мы поминутно останавливались и напряженно прислушивались. Тропа как назло все время виляла, и каждый новый ее поворот вызывал в нас тревогу. На счастье больше нам никто не повстречался, и мы благополучно добрались до скальной гряды, возвышавшейся над ле-

сом.

Следы повозок уводили вверх по дороге. Мы не рискнули идти тем же путем, а свернули в сторону, став подниматься пологим склоном холма с торчащими из земли голыми кустами. Внезапно я понял, что с самого утра ничего не ел. В животе неприятно закрутило. Подниматься в горку на голодный желудок было совсем не весело. Казалось, наша лошадь разделяла мое настроение. Она стала упрямитесь, пару раз уже споткнулась и все пыталась грызть поводья.

– А ну перестань дурачиться, – прикрикнул на нее Тирр. Та в ответ лишь недовольно фыркнула.

– Не мешало бы дать ей отдых, – сказал я.

– Знаю, – недовольно ответил Тирр.

Остановившись, он стал оглядываться вокруг, соображая, где лучше устроить привал. Долго оставаться на открытой местности было нельзя, потому как нас могли обнаружить. Необходимо было найти укрытие. Невдалеке я заметил расщелину в скалах, достаточно широкую, чтобы сквозь нее можно было пройти, и указал на нее Тирру. Вскоре мы уже шли вдоль отвесных каменных склонов. Солнце едва проникало сюда. Стены расщелины были скованы льдом. Каждый наш шаг отзывался гулким эхом. Было что-то торжественное и одновременно пугающее в этом царстве льда и мрака, и я был рад, когда нависавшие над нами каменные своды расступились, и мы вновь оказались на свободе.

И тут дыхание у меня перехватило. Позабыв про голод и

усталость, позабыв обо всем на свете, я глядел перед собой как замороженный, замерев и не в силах вымолвить ни слова. Впереди, сколько хватало взгляда, простиралась безграничная небесная синева. Окутанная огромными, немислимых размеров облаками, озаренная лучами света, невесомая и парящая, она уходила в глубину самой вселенной, растворяясь в неясной прозрачной дымке. Сами того не подозревая, мы очутились с Тирром на краю земли, где за обрывом скальной гряды начиналась бесконечность. Наше оцепенение было прервано ржанием лошади. Напуганная, она пятилась задом обратно в темноту расщелины, пытаясь утащить за собой Тирра, державшего ее под уздцы.

– Да стой ты, дуреха! – крикнул Тирр.

И он стал привязывать лошадь за поводья к торчавшей из земли деревянной коряге. Покончив с этим, он отстегнул от седла кожаную сумку и направился ко мне.

– Отличное место для привала, – сказал он шутливо. – Не каждый день удастся на такое поглазеть. Пойдем, наши места в первом ряду!

При этих словах он направился напрямиком к обрыву. Усевшись на самом краю, он свесил вниз ноги и принялся вытаскивать из сумки термос и бутерброды, завернутые в бумагу.

– Подходи, не стесняйся, – позвал он. – Самое время подкрепиться. Бутерброды с ветчиной и сыром уважаешь?

Подойдя ближе к обрыву, я остановился, не доходя несколько шагов до края, и посмотрел вниз. Руки у меня по-

холодели, и что-то защекотало в животе.

Делая вид, что не замечает моей нерешительности, и вообще не находит ничего необычного в происходящем, Тирр отвинтил крышку термоса и налил в нее горячий дымящийся чай.

– Только я пью без сахара, – сообщил он деловито. – Надеюсь, ты тоже. Потому что сахара у меня с собой нет.

Я продолжал топтаться на месте. Идея Тирра устроить пикник на краю бездонной пропасти была безумием. Он вел себя непринужденно, но я знал, что ему тоже страшно. Как и мне. Я ничуть не сомневался в этом. И тем более безумной была его выходка. И ради чего? Испытать себя и меня? Тирр не оставлял мне выбора. Я должен был последовать за ним. Не сделать это означало оказаться трусом. А этого я допустить не мог. И Тирр знал это. И это злило меня. И еще больше меня злило то, что я все медлил и продолжал топтаться, в то время как он уже принялся за первый бутерброд, откусив большой кусок.

– Без сахара, так без сахара, – сказал я, усаживаясь рядом с Тирром и свешивая ноги вниз.

Тирр протянул мне бутерброд. Я заметил на его лице довольную улыбку. Он был рад тому, что я не струсил.

Еще четверть часа назад я мог думать только о еде – так я был голоден. А теперь мне стоило огромных усилий заставить себя жевать. При мысли, что я сижу на краю бездны сердце мое сжималось. Во рту все пересохло. Какой уж тут

хороший аппетит? Я старался не смотреть вниз.

– Еще бутерброд? – вежливо предложил Тирр.

– Нет, спасибо. Я наелся.

– Какие густые облака! – сказал Тирр, указывая вниз. – Когда-нибудь видел такие?

Мысленно я в очередной раз пожалел, что связался с ним. Казалось, Тирру доставляло удовольствие щекотать себе нервы, а заодно и мне. И чего мне не сиделось дома? Собравшись с духом, я все же поглядел вниз.

В голове у меня закружилось. Непроизвольно я вцепился руками в каменные выступы скалы, где сидел. Подо мной далеко внизу плыли облака, такие густые, что походили на бескрайнюю молочную реку, уносившую свои волнистые белые воды за самый горизонт. Вид был таким захватывающим, что я не мог оторвать взгляда. Все смотрел и смотрел. Страх не исчез бесследно. Я все время чувствовал его у себя в животе и на кончиках пальцев. Но страх более не сковывал меня.

– Как думаешь, что там внизу? – спросил я Тирра.

Он пожал плечами.

– Этого никто не знает.

– Если б только можно было заглянуть за облака ...

– К несчастью, мы не умеем летать. – ответил Тирр.

Мы с ним болтали о разном. Тирр сильно отличался ото всех моих приятелей из деревни. Одежда его была опрятной и без заплат. Он не плевался и не ковырялся в носу. Говорил грамотно и не путал ударений. Не размахивал руками.

Зачесывал волосы на ровный пробор. Носил в кармане чистый носовой платок. И вообще вел себя так, будто свалился с неба. По правде говоря, я таких на дух не переносил. Но Тирр сразу мне понравился. Не знаю уж почему. И если не считать того, что знакомство наше началось с драки, мы быстро поладили.

Глава V. Небесные тени

Оставив лошадь неподалеку, мы с Тирром притаились среди зарослей можжевельных кустов на вершине скалистого хребта. Внизу лежала широкая долина. На дне ее блестела река. По левому берегу стояли тяжелые грузовые повозки. Часть их была уже пуста, вокруг других бегали и суетились солдаты, разгружая ящики и выкатывая огромные бочки. Все это они тащили в центр обширного круга, по периметру которого на равном расстоянии друг от друга сложены были сухие поленья для разведения костров. Повсюду виднелись часовые. Среди всех выделялась фигура всадника, разъезжавшего взад и вперед верхом на красивом дымчато-сером коне. Время от времени властными жестами он отдавал солдатам какие-то приказы и те тот час кидались их исполнять. Как я догадался, то был дядя Тирра.

Быстро смеркалось. На долину опустилась густая тень. Подгоняемые офицерами, солдаты внизу забегали еще быстрее, торопясь закончить разгрузку до наступления темноты.

Время от времени до нас с Тирром доносились их голоса и ржание лошадей. Мы терпеливо ждали. Наконец, отбросив последний слабый отблеск, солнце закатилось за вершину гор, и мрак окутал долину.

Солдаты принялись поджигать приготовленные поленья. Один за другим костры разгорались в темноте ярким пламенем, образуя широкое огненное кольцо.

– Пора, – шепнул Тирр. – Нужно подобраться поближе.

Под покровом ночи мы с Тирром осторожно спускались по склону холма, цепляясь за кусты и корни деревьев. Сделалось так темно, что мы едва различали друг друга и поминутно тихо перекликались, опасаясь потеряться. Чтобы не оступиться и не сорваться вниз, двигаться приходилось медленно, практически на ощупь. Поблизости то и дело слышались странные шорохи и копошение ночных зверей и птиц, обитавших в этих местах, при звуке которых мы с Тирром замирали и прислушивались.

Наконец, мы достигли подножия скал. Выбрав раскидистую сосну, мы взобрались на нее, расположившись на толстых сучьях. Отсюда место приношения даров виднелось как на ладони.

Солдаты тем временем поспешно стали прыгать в повозки и на лошадей. Длинной вереницей повозки выкатились на дорогу и поползли прочь из долины. Еще некоторое время мы видели огни зажженных факелов, серпантинном поднимавшиеся по горной дороге, затем повозки перевалили че-

рез вершину и скрылись в темноте. Мы остались в долине одни.

Шагах в ста от нас, окруженные огненным кольцом костров, ожидали своего часа дары. Сотни мешков с зерном и солью, корзины с тканями и мехом животных, кувшины с маслом и бочки с элем, сундуки с серебром и золотом ... Рядом испуганно блеяли барана и овцы, сбившись в кучу у стен загонов, которые солдаты на скорую руку сколотили прямо в центре огненного кольца. Где-то среди всех этих богатств лежали дары, приготовленные для небесных теней и нашей семьей.

В течение целого года мы упорно трудились, собирая дары. Особенно в последние месяцы, когда сделалось ясно, что можем не успеть заготовить в срок положенные два десятка мешков пшеницы и соль. Хотя родители старались скрыть это, я не раз замечал тревогу на их лицах, их беспокойный взгляд, который поневоле оба бросали на календарь, где красным кругом обведен был день приношения даров. Отец все чаще и дольше задерживался в своей мастерской, просяживая за работой до поздней ночи. А на следующей день отправлялся продавать собранные им часы и возвращался совершенно поникшим, если не удавалось выручить достаточно денег, чтобы купить еще немного пшеницы и соли в дар для небесных теней. Нечто невидимое, безмолвное и тяжелое словно нависло над нами в эти последние месяцы и рассеялось лишь в тот день, когда последний – двадцатый – ме-

шок был наполнен пшеницей и занял свое место в погребе под кухней.

Другим семьям тоже приходилось нелегко. Многие голодали ради того, чтобы успеть собрать дары. Никто не хотел быть объявлен отступником и разделить их незавидную участь, проведя остаток жизни в непосильных трудах на полях или в шахтах.

Ежегодно в каждый дом приходило письмо со списком даров, которые необходимо было заготовить. Я видел это письмо, начертанное на грубой желтой бумаге и скрепленное сургучной печатью канцелярии консула. Мама хранила все эти письма в деревянной шкатулке, рядом с серебряным браслетом, доставшимся ей от прабабки.

Меж тем, небо усеялось тысячами звезд. Пламя костров дожирало древесину. А мы с Тирром, притаившись в ветвях высокой сосны, все ждали.

Небесные тени должны быть существами гигантских размеров, если способны унести все эти щедрые дары, думал я про себя. Как и все остальные люди, я не имел ни малейшего представления об облике небесных теней и мог лишь теряться в догадках. Воображение мое рисовало страшных крылатых существ, извергающих пламя из огромной зубастой пасти. Те немногие, кто видел небесных теней и остался в живых после этого, чаще всего были так напуганы, что почти ничего не помнили.

Издrevле люди трепетали и преклонялись пред небесны-

ми теньями. Жрецы жгли в их честь костры и пели хвалебные песни. Стремясь умиловать их, люди подносили им богатые дары. И все просыпались и засыпали с сознанием мысли, что будут живы лишь до тех пор, пока небесные тени не обрушат на землю свою ярость.

Они появились внезапно. Вначале до нас с Тирром донесся странный звук, какого я раньше никогда не слышал, похожий на пыхтение. Вслед за этим две огромные черные тени появились из-за горной вершины. Они стремительно летели в нашу сторону прямо по воздуху. Сердце мое громко заколотилось.

Достигнув огненного кольца, небесные тени зависли над ним и медленно стали опускаться. При этом воздух вокруг наполнился таким оглушительным гудением, что у меня заложило уши. Массивные и мрачные, они тяжело дышали и испускали клубы густого горячего пара. Все было как во сне. Мутными глазами я видел, как опустившись на землю, они вдруг затихли и замерли. Наступила тишина. Внезапно раздался металлический скрежет и обе небесные тени широко разинули пасти, и из них ... я не мог в это поверить ... из пасти небесных теней стали выходить какие-то люди, не меньше дюжины из каждой пасти! Действуя быстро и слаженно, с помощью канатов и тележек на колесах они принялись грузить и возить в пасть небесных теней приготовленные дары, возвращаясь обратно уже с пустыми тележками. Другие из людей рассыпались вокруг. В руках у них было странного

вида оружие. Направляя лучи света во все стороны, они напряженно вглядывались в темноту, изредка переговариваясь друг с другом, причем я слышал и понимал каждое их слово. Не считая странной одежды, это были обыкновенные люди, такие же, как мы, и именно это больше всего поразило меня. Я был словно в оцепенении. Я был готов увидеть уродливых монстров или даже призраков, но я не ждал людей, людей из плоти и крови, говоривших с нами на одном языке. Их лица выражали волнение. Казалось, они чувствовали себя в опасности, находясь на земле, и поминутно поторапливали друг друга. Те, что занимались погрузкой даров, от напряженной работы вспотели и устали. У них была одышка. Они пили воду. Они плевались. Они суетились. Они ругались, когда неловко роняли ящик на землю.

Покончив с погрузкой, люди исчезли в пасти небесных теней также быстро, как и появились. Вновь раздался металлический скрежет, затем гул и пыхтение. Повалил густой пар. Вздвогнув, небесные тени ожили, поднялись в воздух и исчезли за вершинами гор, унося с собой наши дары.

Когда я спустился с дерева, меня вырвало.

Обратную дорогу не хочется и вспоминать. Поднялся ветер и полил дождь. Мы вымокли до нитки и продрогли до костей. В темноте мы едва различали дорогу, а потому не могли пустить лошадь даже мелкой рысью. Каким-то чудом мы не сорвались в ущелье и не сбились с пути. В город мы добрались только к утру. Не помню как слез с лошади и до-

ковылял до крыльца. Переступив порог, я увидел лицо матери и тут силы оставили меня. В глазах помутилось, и я рухнул прямо на пол.

Почти неделю пролежал я в жару и в бреду. Тяжелый болезненный сон то и дело прерывался кашлем, и мне казалось, что я задыхаюсь. Я все проваливался и летел, летел куда-то вниз, в темноту. Помню, как несколько раз к моей постели приводили доктора. Помню горький вкус микстур и прохладный компресс у себя на лбу. И голос матери. Больше ничего.

Эрудит рассказал, что Мира все время сидела рядом с моей постелью, держась рукой за край одеяла.

Глава VI. В гостях у Тирра

Временами Мира была совершенно невыносима. Мы завтракали. Мама варила кофе. Отец отправился на улицу проверить почтовый ящик. Вернулся он с газетой и конвертом.

– Славная погода сегодня. Свежо и солнечно, – сказал он, усаживаясь на стул.

Отец был с самого утра в приподнятом настроении. Давно я не видел его таким. Нацепив на нос очки, отец взял в руки конверт, и вдруг лицо его изобразило удивление.

– Здесь написано "Уалию", – произнес он.

Мира, которая до этого безучастно ковырялась в тарелке, подняла голову.

– От кого письмо? – спросила она с любопытством.

Прежде, чем отец успел ответить, я выхватил конверт.
– Спасибо! Все было очень вкусно! – сказал я.

И вскочив из-за стола, я поспешил к себе в комнату. Письмо было от Тирра. Вернее, то была коротенькая записка. Тирр приглашал меня в гости. В любое время, когда мне будет удобно. На случай если я забыл, он указал и адрес. Внизу письма стояла гербовая печать, которую необходимо было показать охраннику на входе в поместье – в качестве пропуска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.